

МАССОВЫЕ ОПРОСЫ, ЭКСПЕРИМЕНТЫ, МОНОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

DOI: 10.19181/socjour.2021.27.4.8641

М.Г. РУДНЕВ^{1,2}

¹ НИУ «Высшая школа экономики».
101000, Москва, ул. Мясницкая, д. 20.

² Институт социологии ФНИСЦ РАН.
109544, Москва, ул. Большая Андроньевская, д. 5. стр. 1.

СОЦИАЛЬНЫЙ СТАТУС ЛЮДЕЙ СТАРШЕГО ВОЗРАСТА В СРАВНИТЕЛЬНОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ: ОСОБЕННОСТИ ПОСТКОММУНИСТИЧЕСКИХ СТРАН¹

Аннотация. Социальный статус отражает положение социальных групп в обществе, их социальный престиж в представлении членов этого общества. Исследования показывают, что статус возрастных групп в разных странах сильно различается и при этом связан с социально-экономической модернизацией. В настоящей работе мы исследовали статус пожилых в посткоммунистических странах и сравнили его со статусом пожилых в других странах. Используя данные из двух международных баз данных — Всемирного исследования ценностей (58 стран) и Европейского социального исследования (29 стран), а также метод многоуровневых регрессий, мы обнаружили, что в посткоммунистических странах пожилые обладают одним из самых низких статусов в мире, который лишь частично объясняется уровнем модернизации страны. Кроме того, в отличие от других стран, возраст респондента в этих странах показал негативную связь с оценкой статуса пожилых, то есть с возрастом оценка статуса пожилых снижается. Мы обсуждаем низкий статус пожилых в посткоммунистических странах и предполагаем, что на него, помимо общих закономерностей, мог повлиять также уникальный исторический опыт посткоммунистических стран, а именно социально-экономические трансформации рубежа девяностых, которые привели к обесцениванию человеческого капитала старших поколений. В заключение мы подчеркиваем, что низкий статус пожилых является проблемой всего общества, а не только самих пожилых.

¹ Статья подготовлена в рамках гранта, предоставленного Министерством науки и высшего образования Российской Федерации (соглашение о предоставлении гранта № 075-15-2020-928). Автор благодарен Кристин-Мелани Вуклер (Christin-Melanie Vauclair) за консультации, связанные с темой статьи, а также Владимиру Самуиловичу Магуну за полезные комментарии к ранним версиям данной статьи.

Ключевые слова: пожилые; старение; эйджизм; социальный статус; сравнительные исследования; посткоммунистические страны.

Для цитирования: Руднев М.Г. Социальный статус людей старшего возраста в сравнительной перспективе: особенности посткоммунистических стран // Социологический журнал. 2021. Том 27. № 4. С. 8–31. 10.19181/socjour.2021.27.4.8641

Введение

Старение населения становится все более насущной проблемой, а качество жизни старшего поколения называют одной из наиболее приоритетных целей развития стран. Продолжающаяся пандемия коронавируса в очередной раз подчеркнула уязвимость и важность для общества группы пожилых. Различные сценарии развития ситуации с вирусом приоткрыли глубину различий положения, в котором находятся пожилые в разных странах. Это положение можно обозначить как социальный статус пожилых, который в общем виде является интегральной характеристикой их иерархического положения в обществе.

Классическое объяснение различий в социальном статусе пожилых в разных странах предложили Коугилл и Холмс [14]. Их теория модернизации связывала экономическое, демографическое, культурное развитие стран со снижением социального статуса пожилых. Несмотря на убедительность этой гипотезы, она часто подвергалась критике, в частности, за невнимание к культурным и историческим особенностям различных стран [18]. Немногочисленные эмпирические исследования, пытавшиеся проверить эту теорию, показали существенные различия в социальном статусе пожилых в разных странах, однако приходили к противоречивым выводам относительно их детерминант [16; 29; 44]. Более того, среди изученных нами работ, посвященных социальному статусу пожилых в сравнительной перспективе, лишь единицы обращались к особенностям посткоммунистических стран [5]. Несмотря на развитие исследований в рамках социальной геронтологии [1; 4; 5; 7; 10; 11], Россия и ряд других посткоммунистических стран остаются неизученными в сравнительной перспективе. Например, Вуклер с соавторами [44] исключили Россию и Украину из своего анализа социального статуса пожилых. Вместе с тем есть основания полагать, что пожилое население посткоммунистических стран по своему статусу существенно отличается от такового в других похожих по степени модернизации странах, поскольку оно демонстрирует более низкий уровень субъективного благополучия [6], здоровья [45], сложнее, чем в других странах, приходится ему на рынке труда [3] и при выходе на пенсию [33].

В данной статье мы рассмотрим роль «культурных зон», в частности посткоммунистической, в том, какой социальный статус в обществе имеют люди старшего возраста. Цель работы — понять, является ли принадлежность страны к посткоммунистической зоне значимым фактором в определении статуса пожилых независимо от уровня социально-экономической и демографической модернизации.

Дополнительная цель состоит в поиске индивидуальных характеристик респондентов, связанных с их оценками статуса группы пожилых.

Существующие исследования социального статуса пожилых людей

Социальный статус можно определить как представления об иерархическом месте группы в обществе, ее социальном престиже. Следуя разделению, заданному еще Вебером [2], в отличие от социального класса, статус выражает субъективные представления членов общества и не обязательно связан с объективными характеристиками, такими как доступ к материальным ресурсам и власть². Социальный статус пожилых может отражать их жизненные достижения, роль в обществе и степень контроля собственной жизни. Статус связан с широким спектром параметров благополучия. В частности, была показана связь социального статуса пожилых с их удовлетворенностью жизнью; более низкий статус пожилых связан со степенью межличностной и институциональной дискриминации [12; 19], а также с более сильной маргинализацией этой группы [31]. Оценки пожилыми собственного социального статуса связаны с различными проблемами физического и ментального здоровья [32; 40; 48] и даже могут предсказывать смертность [23]. Однако оценка индивидом собственного социального статуса может сильно отличаться от статуса, приписываемого обществом группам, к которым он принадлежит. Существует ряд работ, посвященных дискриминации пожилых [17], стереотипам [34; 49], общей эмоциональной оценке пожилых [16], представлениям об их конкурентоспособности [37] и т. д., однако все эти показатели фундаментально отличаются по своей природе от социального статуса и могут напрямую противоречить друг другу [22]. Например, многие арабские страны, в которых статус пожилых довольно высок, показывают также высокую степень эйджизма (см.: [35]). Представление о высоком социальном статусе пожилых может также соседствовать с негативным личным отношением [42]. Таким образом, социальный статус пожилых является самостоятельным предметом для изучения, а сведения, полученные о проявлениях эйджизма и самооценках статуса, могут использоваться для понимания его природы лишь косвенно и с осторожностью.

Одними из первых социальный статус пожилых людей стали обсуждать Коугилл и Холмс [14; 21]. Они предположили, что современное развитие общества приводит к снижению социального статуса людей старших возрастов. Модернизация общества сопровождается, в частности, повышением образования и грамотности населения, урбанизацией, внедрением технологий массового производства и развитием медицины³. Из-за роста уровня образования и грамотности населения люди стар-

² Это различие хорошо демонстрирует, например, слабая связь между индексом активного долголетия, отражающим объективные характеристики благополучия пожилых, и их средним по стране социальным статусом. На 23 странах Европы она оказалась незначимой, хотя и положительной (0,31, $p = 0,15$, собственные расчеты).

³ Здесь и далее модернизацию понимаем именно в этом узком смысле, определенном Д. Коугиллом.

ших возрастов теряют важную роль носителей и ретрансляторов знания и, имея, как правило, более низкий уровень образования, становятся неконкурентоспособными на рынке труда. Такое положение усугубляется тем, что рынок труда перемещается в города и повышаются требования к мобильности, которую пожилым сложнее обеспечить. И наконец, развитие медицины способствует увеличению продолжительности жизни, и число пожилых неизменно растет, так что существующий «спрос» на потенциал пожилых оказывается существенно ниже растущего «предложения». В дополнение к этому во многих странах постепенное формирование пенсионных систем способствует вытеснению пожилых с рынка труда или их переходу на менее престижные позиции. Поскольку основным источником статуса в модернизированных обществах, по Коугиллу, являются именно профессиональные достижения, статус пожилых тем сильнее оказывается в опасности, чем более модернизировано общество.

Теория Коугилла широко использовалась в геронтологических исследованиях [15], но редко получала прямые подтверждения (см.: [43]). Так, Палмор и Мэнтон [36] заметили, что статус пожилых в индустриальных обществах действительно ниже по сравнению с аграрными, однако в постиндустриальных обществах происходит его небольшое восстановление. Подтверждая это, Вуклер с соавторами [44] обнаружили на выборке высокомодернизированных европейских стран положительную связь между уровнем модернизации и статусом пожилых. Другой источник критики связан с тем, что статус пожилых в странах, которые на сегодня можно назвать модернизированными, в прошлом был не таким уж высоким (см.: [13]). И наконец, теория критиковалась за невнимание к культурным и историческим особенностям разных стран и регионов (см., например: [28]). В настоящей работе обратимся именно к этому аспекту критики, предполагая, что статус пожилых может быть связан не только с модернизационными изменениями, но и с особенностями истории, в нашем случае — с опытом распада коммунистических режимов.

Литература о положении пожилых в посткоммунистических странах по сравнению с другими странами крайне ограничена, и нам не удалось найти ни одного источника, прямо обращавшегося к социальному статусу. Большинство работ ограничивались исследованием внутри одной страны либо использовали самооценки статуса. Сравнительные же исследования часто игнорировали особенности посткоммунистических стран, фокусируясь на различиях между Западом и Юго-Восточной Азией [29; 42], или вовсе исключали посткоммунистические страны из анализа (см., например: [44]). Таким образом, статус пожилых, особенно в посткоммунистических странах, остается во многом неизведанной областью, а в постановке гипотез можно полагаться лишь на косвенные свидетельства.

Исследования показателей объективного и субъективного благополучия пожилых россиян приходят к выводу об их худшем положении в сравнении с положением ровесников в других странах. Так, например, после раннего среднего возраста у россиян аномально падают зарплаты,

в то время как в других странах зарплата продолжает расти или остается такой же вплоть до пенсионного возраста [3]. Субъективные оценки благополучия, счастья и здоровья тоже указывают на особенности посткоммунистических стран, где показатель счастья пожилых оказывается одним из самых низких в Европе [10]. Если субъективное благополучие старших возрастных групп в других частях Европы превышает благополучие молодежи и средних возрастов, то в посткоммунистических странах и, в частности, в России оно существенно ниже уровня молодежи и лишь немногим выше, чем в средних возрастах [6]. Более того, оценка своего здоровья среди россиян с возрастом падает значительно сильнее, чем в Западной и Северной Европе [6]. Эти различия авторы связывают с распадом советской системы, не обращая внимания на уровень модернизации страны. В других работах отмечается высокий уровень воспринимаемой дискриминации среди пожилых Восточной Европы [38; 41]. Эти непрямые свидетельства дают некоторые основания предположить, что статус пожилых в посткоммунистических странах ниже, чем в других странах со сравнимым уровнем модернизации.

Что касается индивидуального уровня, то здесь информация еще более ограничена. Разумно предположить, что с приближением своего возраста к оцениваемой группе пожилых ее образ должен улучшаться, это соответствует потребности в поддержании позитивного образа себя [20; 39]. Вуклер с соавторами [44], напротив, показали отрицательную связь статуса пожилых с возрастом респондентов. Косова изучала самооценку статуса и также обнаружила негативную связь с возрастом, причем только в посткоммунистических странах [5]. Мы предполагаем, что связь возраста респондентов с их оценкой статуса пожилых действительно может быть отрицательной, поскольку критерии оценки статуса и степень адекватности этих оценок могут зависеть от возраста. По этой же причине влияние возраста может быть и нелинейным, поскольку старшие группы оценивают статус группы, в которую сами входят, что содержательно отличается от внешней оценки респондентами молодых и средних возрастов.

В анализ также были включены образование и доход как релевантные социальному статусу признаки. Однако ввиду неизученности темы воздержимся от постановки гипотез. Дополнительно в анализ также включен гендер, поскольку оцениваемая группа пожилых имеет существенное смещение (особенно в посткоммунистических странах) в пользу женщин.

Далее мы проверим выдвинутые предположения, а также опишем связи, в отношении которых у нас не было гипотез, обратившись к базам данных международных опросов. Вначале будут приведены описательные статистики, затем результаты многоуровневых регрессий и в завершение обсудим полученные результаты.

Данные и анализ

Данные взяты из двух источников, чтобы обеспечить надежность результатов. Первый источник данных — шестая волна Всемирного исследования ценностей (World Values Survey, WVS), проведенная в 2010–2014 гг. [47]. После исключения Гонконга и Тайваня из-за отсут-

ствия сопоставимых характеристик и 4% респондентов с пропущенными значениями по ключевым переменным выборка составила 76 026 респондентов, живущих в 58 странах. Второй источник данных — четвертый раунд Европейского социального исследования (European Social Survey, ESS), проведенный в 2008–2009 гг. в 27 странах Европы, а также в Турции и Израиле [24]. После исключения респондентов с пропущенными значениями (7%) выборка составила 52 820 респондентов.

Измерение статуса пожилых

В WVS статус возрастных групп измерялся с помощью вопроса «Как, по Вашему мнению, большинство людей в нашей стране оценивают положение в обществе тех, кому около двадцати лет, около сорока лет и около семидесяти лет?» с возможными ответами по каждой возрастной группе от «очень низкое положение в обществе» (1) до «очень высокое положение в обществе» (10).

В ESS задавались вопросы «Каким, по Вашему мнению, большинство россиян считают положение в нашем обществе людей от 20 до 30 лет, людей от 40 до 50 лет, людей старше 70 лет? Используя шкалу на карточке, скажите, каким, на Ваш взгляд, большинство людей в России считают положение в обществе, статус людей от 20 до 30 лет, людей от 40 до 50 лет, людей старше 70 лет?» с возможными ответами по каждой возрастной группе от «очень низкое» (0) до «очень высокое» (10). Как видно из вопросов, респонденты своими высказываниями отражали представления об общем мнении сограждан, то есть речь идет о метаперцепциях. Такой метод измерения статуса является устоявшимся в исследованиях социального престижа или статуса профессий (см.: [8]). Для удобства изложения далее будем называть оценки статуса тех, кому около 40 лет (WVS), и людей от 40 до 50 лет (ESS) оценками статуса 40-летних, а оценки тех, кому около 70 (WVS), и людей старше 70 лет (ESS) — оценками статуса 70-летних.

Социальный статус мы измеряли через соотнесение оценок статуса 70-летних с оценками статуса 40-летних. Относительная мера была избрана для того, чтобы сгладить межстрановые и межиндивидуальные различия в средних оценках статуса *обеих* возрастных групп [44]. Статус 40-летних был выбран в качестве референтной группы, так как в подавляющем числе стран (за исключением некоторых мусульманских) его оценивали как наиболее высокий.

Предикторы на индивидуальном уровне

Возраст измерялся в годах, также в анализе использовался квадрат возраста. В силу больших различий между странами в системах образования уровень образования респондентов фиксировался как наличие высшего образования (в WVS) или как количество лет обучения (в ESS). Самооценка дохода измерялась по десятибалльной шкале в WVS и по четырехбалльной шкале в ESS.

Предикторы на уровне стран

Следуя теории Коугилла [21] и измерительному подходу Вуклер с коллегами [44], модернизацию страны мы измеряли по таким показателям

телям, как уровень валового внутреннего продукта на душу населения (ВВП на душу населения по паритету покупательной способности в текущих долларах США), уровень образования (ожидаемая продолжительность обучения на ступени третичного образования), уровень урбанизации (процент городского населения) и ожидаемая продолжительность жизни при рождении (в годах). Эти четыре показателя коррелировали друг с другом, они были объединены в общий индекс модернизации (альфа Кронбаха равна 0,88 для стран WVS и 0,59 для стран ESS). Данные взяты из архива Всемирного банка [46] для стран WVS и ESS за 2012 и 2008 гг. соответственно или ближайшие доступные. ВВП на душу населения был трансформирован с помощью натурального логарифма.

В рамках анализа данных WVS страны были классифицированы по культурным зонам, исходя из карты ценностей Инглхарта — Вельцеля [27]: Африка (за исключением Северной), Новый Свет (англоязычные), Латинская Америка, мусульманские, посткоммунистические страны и Юго-Восточная Азия. Католические и протестантские страны Европы были объединены в одну группу из-за небольшого их числа. Некоторые страны входили одновременно в две зоны — например, Узбекистан принадлежал и к посткоммунистической, и к мусульманской зонам. В анализе данных ESS мы следовали простому географическому делению на западную, восточную, северную и южную Европу. В последнюю группу также были включены Израиль и Турция. Списки стран и их принадлежность к культурным зонам приведены на рисунках 1 и 2.

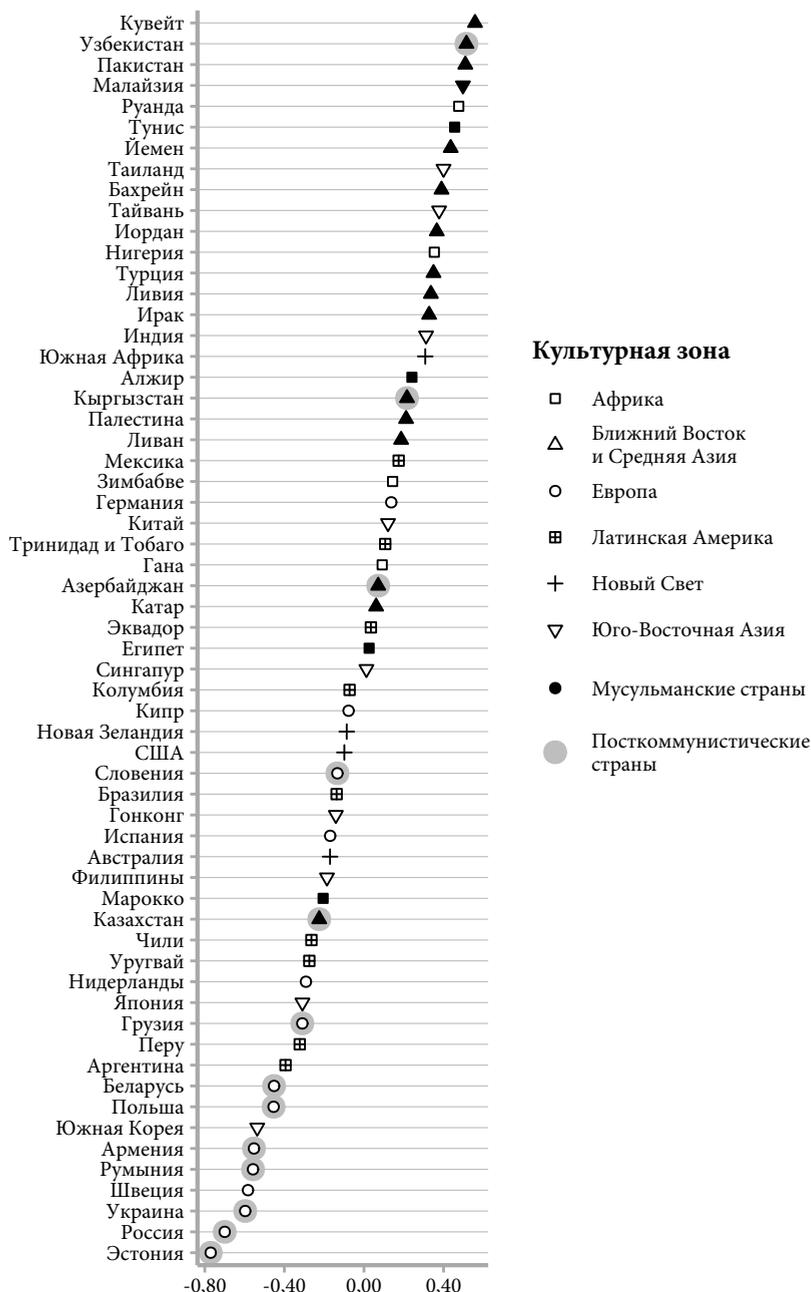
Исходный код R, который использовался для подготовки и анализа данных, доступен на сайте OSFHome [9], а также в электронном приложении к этой статье на официальном сайте журнала (URL: <https://www.jour.fnisc.ru/index.php/socjour/article/view/8641/8418>). Данные для анализа находятся в свободном доступе на сайтах WVS и ESS.

Результаты

Средние по странам

Для описания межстрановых различий был вычислен индикатор относительного статуса 70-летних. Он представляет собой остатки из регрессионной модели, в которой зависимой переменной были сырые оценки статуса 70-летних, а независимой — оценки статуса 40-летних. В отличие от простой разности между переменными такой подход позволял учитывать особенности распределения обеих переменных. Значения итоговой переменной, таким образом, представляют взвешенную разницу в статусах 70- и 40-летних. Более высокие значения соответствуют более высокому статусу 70-летних.

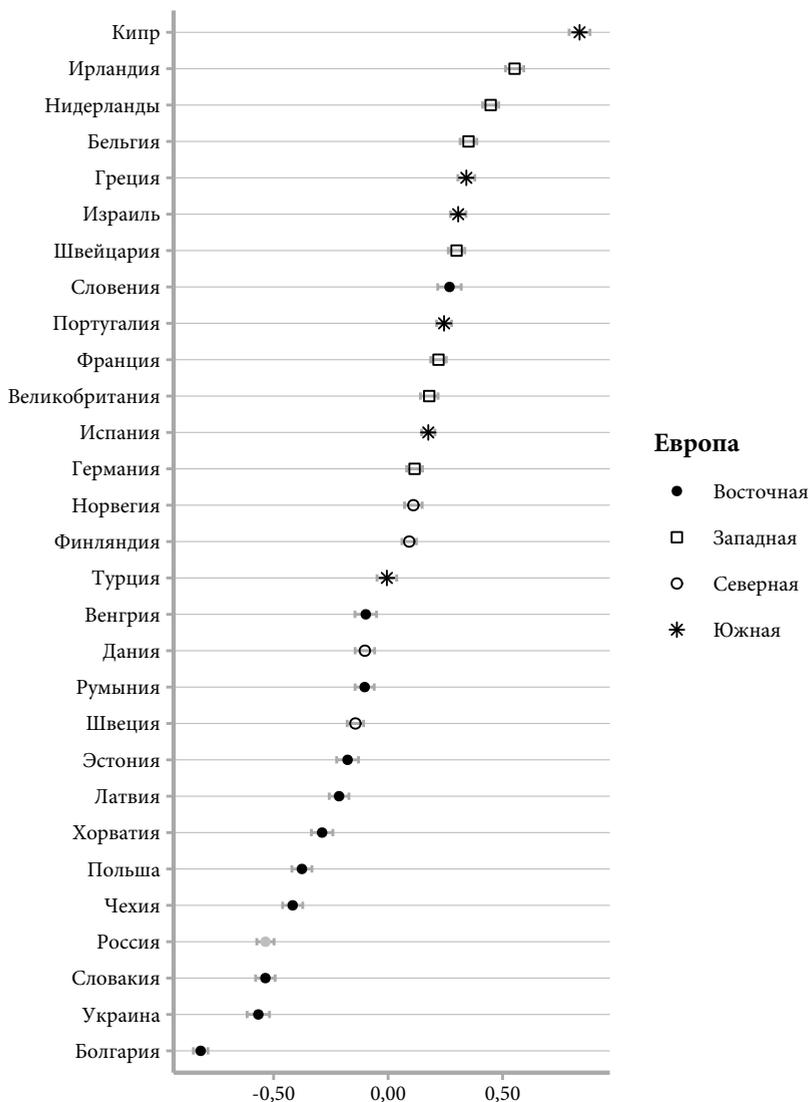
На рисунке 1 представлены средние значения этой переменной, рассчитанной по данным WVS. Россия вместе с двумя постсоциалистическими странами — Эстонией и Украиной по статусу пожилых делит последнее место среди 58 стран. Другие посткоммунистические страны, кроме менее модернизированных и тех, в которых распространен ислам, также находятся в нижней части списка. А вот мусульманские страны, наоборот, занимают всю верхнюю часть графика, демонстрируя наиболее высокий статус пожилых.

Примечание: Нулевая отметка отражает среднюю оценку по всем странам, значения — стандартные отклонения от общемировой средней.

Рис. 1. Оценки статуса людей, которым около 70 лет, по сравнению с 40-летними (по данным WVS)

На рисунке 2 представлены средние оценки, рассчитанные по данным ESS. И снова Россия вместе с большинством посткоммунистических стран находится в нижней части списка. Россия, Словакия и Украина делят предпоследнее место, последнее место занимает Болгария.

Примечание: Нулевая отметка отражает среднюю оценку по всем странам, значения — стандартные отклонения от среднеевропейской средней.

Рис. 2. Оценки статуса людей старше 70 лет по сравнению с теми, кому от 40 до 50 лет (по данным ESS)

Модели на данных WVS

Поскольку в исследовании используются международные данные, в которых респонденты сгруппированы по странам, применялся метод многоуровневых регрессий [26], позволяющий корректно оценивать эффекты на уровне как индивидов, так и стран. Чтобы учесть ошибку измерения, в регрессиях не использовался заранее подсчитанный относительный статус пожилых, вместо этого статус 40-летних присутствовал во всех моделях в качестве независимой переменной. Таким образом, все остальные независимые переменные предсказывали именно относительный статус 70-летних по сравнению с 40-летними. Из-за того что статус 40-летних в наших моделях не нес содержательного смысла, а использовался как часть измерительной модели, случайные эффекты этой переменной не включались. Все показатели в моделях были z-стандартизованы на всей выборке.

В левой части таблицы приведены результаты многоуровневых регрессий, вычисленные на основе данных WVS. Коэффициент внутриклассовой корреляции показал, что 14% дисперсии зависимой переменной приходится на различия между странами, что говорит о существенном межстрановом разбросе статуса пожилых. Модель 1 включала только предикторы индивидуального уровня. Мужчины, люди без высшего образования, а также люди с высоким доходом оценивали статус пожилых выше, чем женщины, люди с высшим образованием и более низким доходом. Вопреки ожиданиям эффект возраста оказался незначимым во всех моделях, а его квадрат продемонстрировал высокосignификантный положительный эффект, что указывает на наличие U-образной связи между возрастом респондента и оценкой статуса пожилых. Другими словами, в среднем более молодые и сами пожилые оценивали статус пожилых выше, чем люди среднего возраста.

Модель 2 добавила к объяснительным переменным культурные зоны. Контрольной группой здесь выступили страны восточной Европы. По сравнению с этими странами в Африке, Юго-Восточной Азии и мусульманских странах статус пожилых выше, в посткоммунистических — ниже, а в странах Нового Света и в Латинской Америке — примерно такой же.

Чтобы проверить, сохранится ли влияние культурных зон при контроле уровня модернизации, в модель 3 был добавлен индекс модернизации. Он показал отрицательный эффект, а среди культурных зон значимые эффекты остались только у мусульманской и посткоммунистической (см. табл.).

Культурные зоны объяснили 51% межстранового разброса статуса пожилых. Среди культурных зон основной объяснительной силой обладает принадлежность страны респондента к мусульманскому или посткоммунистическому региону, а значит, эта принадлежность ведет к отклонению от общего тренда связи между статусом пожилых в стране и уровнем ее модернизации. В подтверждение нашей гипотезы посткоммунистические (и вместе с ними мусульманские) страны, помимо уровня модернизации, обладают некими уникальными характеристиками, влияющими на этот статус.

Таблица

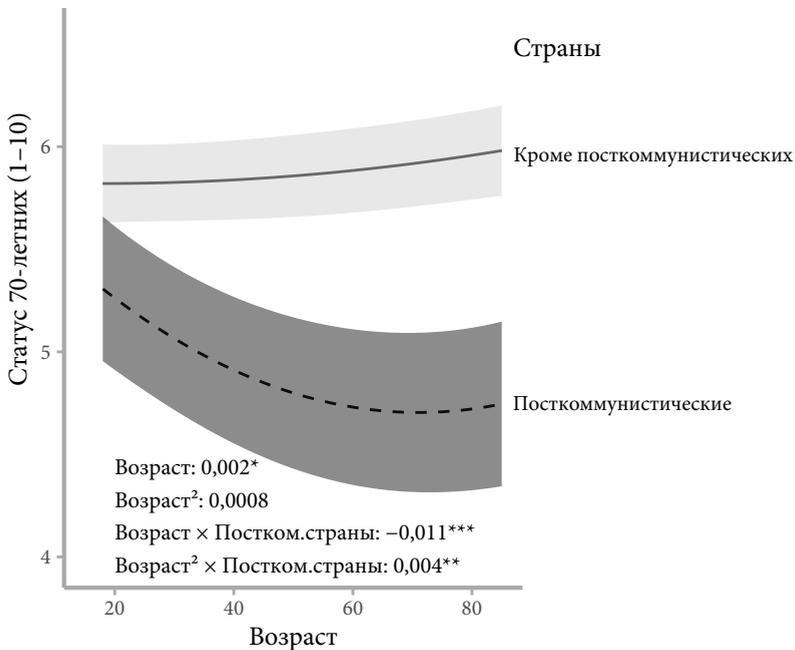
**Результаты многоуровневой регрессии (фиксированные эффекты),
зависимая переменная — оценка статуса 70-летних (WVS)
и статуса людей старше 70 лет (ESS)**

Независимые переменные	WVS			ESS		
	1	2	3	4	5	6
Статус 40-летних	0,28***	0,28***	0,28***	0,24***	0,24***	0,24***
Возраст	-0,002	-0,002	-0,002	-0,03***	-0,03***	-0,03***
Возраст ²	0,01***	0,01***	0,01***	0,01*	0,01*	0,01*
Женщины	-0,01***	-0,01***	-0,01***	-0,02***	-0,02***	-0,02***
Образование	-0,03***	-0,03***	-0,03***	-0,06***	-0,06***	-0,06***
Доход	0,06***	0,06***	0,06***	0,06***	0,06***	0,06***
Уровень стран						
<i>Невосточная Европа — контрольная группа</i>						
Африка (кроме Северной)		0,50***	0,11			
Латинская Америка		0,12	0,05			
Мусульманские страны		0,53***	0,41***			
Новый Свет		0,22	0,21			
Постком- мунистические страны		-0,21*	-0,30***			
Юго-Восточная Азия		0,22*	0,14			
<i>Южная Европа — контрольная группа</i>						
Северная Европа					-0,34*	-0,55***
Восточная Европа					-0,63***	-0,50***
Западная Европа					-0,03	-0,11
Индекс модернизации			-0,14***			0,15*
AIC	197 654	197 550	197 540	144 224	144 203	144 201
BIC	197 737	197 689	197 688	144 304	144 309	144 316
R2 на уровне стран	0,15	0,66	0,73	0,24	0,71	0,75
R2 на уровне индивидов	0,09	0,09	0,09	0,07	0,07	0,07

Примечание: * $p < 0,05$; ** $p < 0,01$; *** $p < 0,001$.

На следующем этапе мы рассмотрели межстрановые различия в эффектах индивидуального уровня. Подробности анализа случайных

эффектов и межуровневых интеракций представлены в электронном приложении [9], здесь же изложим их главные результаты. Эффекты возраста и его квадрата, образования и дохода (но не гендера) различались в странах, однако лишь эффект возраста удалось объяснить характеристиками стран, единственно значимой среди которых оказалась принадлежность к посткоммунистической зоне. Рисунок 3 иллюстрирует различия в связи возраста с оценкой статуса пожилых в разных странах: если регрессионная линия для посткоммунистических стран указывает на слабую негативную и более криволинейную связь, то во всех остальных странах возраст почти линейно и положительно связан с оценкой статуса пожилых. Таким образом, посткоммунистические страны отличаются тем, что в них пожилые и молодые группы оценивают статус пожилых значительно выше, чем его оценивают в группе средних возрастов, тогда как в других странах более старший возраст последовательно приводит к более высокой оценке социального статуса.

Примечание: Полоски показывают 95%-ный доверительный интервал.

Рис. 3. Связь возраста с оценкой статуса пожилых в разных странах (по данным WVS, предсказано моделью)

Модели на данных ESS

При анализе данных ESS мы следовали той же стратегии. Согласно показателю внутриклассовой корреляции различия между странами

объясняли 18% дисперсии оценок статуса пожилых. В правой части таблицы представлены результаты многоуровневых регрессий на данных ESS. Во всех моделях возраст показал значимый отрицательный эффект, квадрат возраста — слабозначимый положительный эффект. Женщины и более образованные респонденты оценивали статус пожилых ниже, чем мужчины и менее образованные, а люди с более высокой оценкой своего дохода оценивали статус пожилых выше. Все эти эффекты, кроме возраста, повторяют те, которые были найдены на данных WVS. Негативный эффект возраста мог оказаться значимым из-за большей представленности посткоммунистических стран в ESS.

Модель 5 включала принадлежность к регионам Европы в качестве предиктора. Южная Европа была выбрана в качестве референтной группы. Результаты показывают, что жители Восточной Европы наиболее низко оценивают статус пожилых в своих странах. Контроль на уровень модернизации стран в модели 6 практически не повлиял на значимость и величину эффекта принадлежности к Восточной Европе. Это подтверждает сделанный выше вывод об аномально низком статусе пожилых в посткоммунистических странах, которые и образуют Восточную Европу.

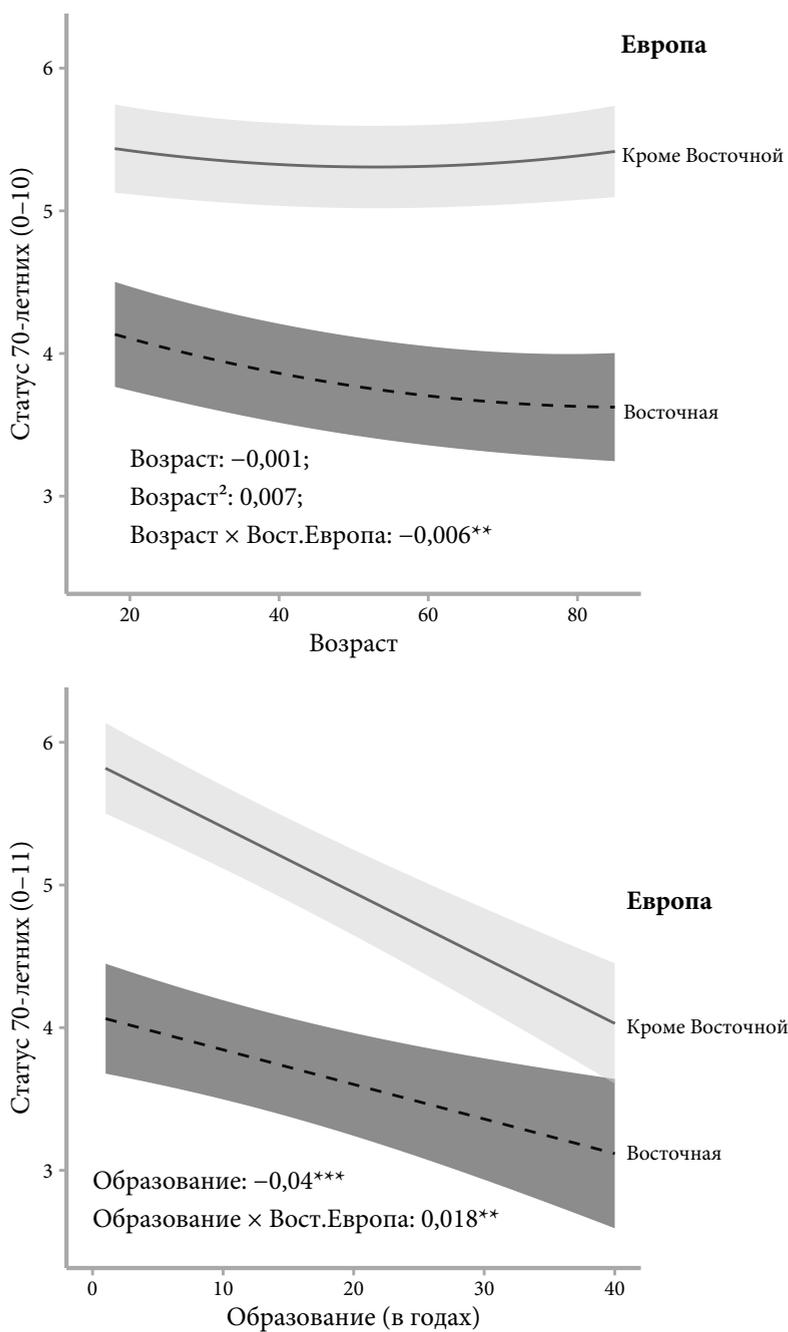
Неожиданным побочным результатом оказалась значимость эффектов принадлежности к Северной Европе, причем коэффициенты являются негативными даже при контроле уровня модернизации. Этот результат косвенно подтверждается и данными WVS — на рисунке 1 Швеция по оценкам статуса пожилых занимает крайне низкое для своего уровня модернизации положение.

Принадлежность к разным регионам Европы объяснила 47% различий в статусе пожилых. Важно отметить, что эффект индекса модернизации положителен в европейских странах ESS, но отрицателен на более широкой выборке стран WVS.

На следующем шаге проверялись случайные эффекты индивидуальных предикторов (подробнее см.: [9]). Как и в случае с WVS, все эффекты индивидуальных предикторов, кроме гендера, показали значимые различия между странами. Однако лишь разброс эффектов возраста и образования удалось объяснить с помощью имеющихся характеристик стран, а именно принадлежностью к Восточной Европе.

Рисунок 4 иллюстрирует эти взаимодействия. Как и при анализе данных WVS, эффект возраста в Восточной Европе более негативный, чем в других регионах, так что самооценка статуса пожилых оказывается ниже ее оценки другими возрастными группами. В отличие от предыдущих результатов, обе линии практически не изогнуты. Рисунок 4 также демонстрирует, что образование в Восточной Европе слабо связано с оценкой статуса пожилых, тогда как в остальных частях Европы эта связь отрицательна.

Дополнительно было обнаружено значимое взаимодействие возраста с ожидаемой продолжительностью жизни. Возможно, более низкая продолжительность жизни частично отвечает за более сильный эффект возраста в Восточной Европе.

Примечание: Полоски показывают 95%-ный доверительный интервал.

Рис. 4. Связь возраста и образования с оценкой статуса пожилых в разных странах (по данным ESS, предсказано моделью)

Обсуждение и заключение

В данной работе мы стремились определить социальный статус пожилых людей в посткоммунистических странах и проверить, связан ли с ним сам факт проживания в этих странах. Существующая теория связывала социальный статус пожилых преимущественно с уровнем модернизации страны, однако она подвергалась критике как за упрощенное представление о модернизации, так и за невнимание к культурным и историческим особенностям стран. Мы решили проверить гипотезу о связи особенностей посткоммунистических стран со статусом пожилых в этих странах на основе двух больших международных опросов.

Многоуровневые регрессии показали, что эффект индекса модернизации был положительным по результатам анализа данных ESS, но отрицательным — на данных WVS. Такая разница соответствует ранее высказанной идее о том, что модернизация отрицательно связана со статусом пожилых только при переходе от аграрных обществ к индустриальным, и процесс этот может обращаться вспять при переходе от индустриальных к постиндустриальным обществам [36]. Действительно, если в выборке WVS присутствует много стран с большим сектором доиндустриальной экономики, то в выборке ESS представлены только развитые постиндустриальные страны. Этот результат можно расценивать как свидетельство криволинейной связи модернизации со статусом пожилых.

Данные обоих опросов показали, что статус пожилых в большинстве рассматриваемых посткоммунистических стран находится на самом низком в мире уровне. Он ниже значений, которые можно было бы ожидать на основе уровня модернизации этих стран. Это говорит о том, что, помимо уровня модернизации, роль играют еще какие-то факторы. Можно предположить по крайней мере два таких фактора.

Во-первых, снижению статуса пожилых в посткоммунистических странах могли способствовать распад режимов и кардинальная перестройка социально-экономической реальности. Те, кому было на момент опроса около 70 лет (их статус как раз и оценивался), были не моложе 50 лет на момент крушения коммунистических режимов. Вероятно, адаптация к новым условиям жизни в таком возрасте могла оказаться более сложной, что усугублялось также слаборазвитой системой дополнительного образования. В результате их человеческий и культурный капитал мог девальвироваться, а потеря накоплений в начале 1990-х — лишить и финансовой подушки, что в совокупности снизило их социальный статус. Этот фактор, таким образом, отражает особенности конкретного поколения.

Второй фактор может быть связан с опытом позднесоветской геронтокрации и часто отмечаемого жившими тогда людьми эйджизма в отношении более молодых. Эта ситуация входила в противоречие с индустриалистской идеологией, в которой подчеркивались секулярно-рациональные ценности, где ключевое место в обществе отводилось молодым и производительным [16; 18], а остальные «не должны

были мешать». Это касалось и пожилых, и людей с инвалидностью, и других социальных меньшинств. Переход к рыночной экономике дал возможность для обратной реакции со стороны более молодых, которые быстро вытеснили пожилых с руководящих и других значимых должностей, в результате чего у последних снизился профессиональный и, следовательно, социальный статус.

На индивидуальном уровне наиболее ярким результатом оказались эффекты возраста. По данным обоих опросов, посткоммунистические страны отличаются более негативной связью возраста респондента с оценкой статуса пожилых, тогда как в остальном мире эта связь, скорее, положительна. Похожие различия были обнаружены и на основе самооценок социального статуса респондентами разного возраста [5]. Положительная связь в большинстве других стран свидетельствует: чем старше человек, тем выше он оценивает статус пожилых. Если предположить, что средняя оценка по стране отражает «объективный» статус, то молодежь его недооценивала, представители средних возрастов оценивали адекватно, а сами пожилые его немного переоценивали. Эта тенденция может свидетельствовать о стремлении личности к поддержанию позитивного образа «Я», а приближение к моменту, когда придется вступить в группу пожилых, усиливает позитивные оценки этой группы.

Иная картина в посткоммунистических странах, где оценка пожилыми своего статуса оказалась ниже реального (среднего), а молодежь его переоценивает. В этом могут отражаться как нарушение коммуникативной связи между молодыми и пожилыми, так и различия в критериях оценки социального статуса. Если молодежь, ориентируясь на норму уважения, может связывать статус пожилых с их символической ценностью, то представители средних возрастов, которые лучше знакомы с социально-экономическими проблемами пожилых, оценивают их статус как более низкий. Похожее противоречивое отношение можно наблюдать и в российской реальности, когда декларируемое уважение к старшему поколению сочетается с его фактической обездоленностью. И наконец, сами пожилые в посткоммунистических странах оценивали свой статус ниже всех остальных респондентов (по данным ESS) или немного выше, чем респонденты средних возрастов (по данным WVS). Это расхождение может быть связано с составом посткоммунистических стран в двух опросах: выборка WVS смещена в пользу менее модернизированных стран, в которых некие неучтенные факторы позволяют пожилым оценивать свой статус выше. Возможно, это связано с меньшей вовлеченностью этих стран в индустриалистскую идеологию, о которой говорилось выше, что, в свою очередь, вызывало меньше противоречий с привилегиями старших и, следовательно, вызвало меньшую реакцию после распада коммунистических режимов.

По данным обоих опросов, индивидуальное образование показало отрицательный эффект на оценку статуса пожилых, причем в посткоммунистических странах этот эффект был значимо слабее. Негативный эф-

фekt образования хорошо объясняется теорией Коугилла, если перенести ее на индивидуальный уровень: для менее образованных респондентов (как и для обществ с низким уровнем образования) старшее поколение выступает носителем и важным источником знаний и жизненного опыта, в то время как для более образованных людей авторитеты смещаются в область идей и кодифицированного знания. Старшие поколения, как правило, имеют более низкие уровни формального образования и более устаревший человеческий капитал, что для более образованных респондентов может являться свидетельством их низкого социального статуса. В посткоммунистических странах негативное влияние образования было слабее, возможно, из-за *качества* образования респондентов.

Положительную связь оценки статуса пожилых с доходом можно объяснить в первую очередь через самооценки статуса пожилыми: более обеспеченные пожилые оценивают его выше, а менее обеспеченные — ниже, тогда как другие группы населения оценивают пожилых в целом. Следовательно, эффект дохода может наблюдаться только в старших группах, где он ожидаемо положителен⁴. Другое объяснение этой связи включает процесс идентификации с пожилыми и оценку их с точки зрения собственного будущего: относительное финансовое благополучие респондента в текущий момент снижает тревогу по поводу вхождения в пожилой возраст и способствует более высокой оценке статуса пожилых вообще. Идентификацией с группой пожилых можно объяснить и влияние гендера — женщины менее высоко оценивают статус пожилых. Причиной этого может быть то, что общество часто стигматизирует вступление женщин в «третий возраст», в результате чего тревога, связанная с этим, выражена у женщин сильнее [30]. С их точки зрения (и особенно с учетом гендерной асимметрии старших групп), пожилые могут выглядеть менее привилегированными, как обладающие более низким статусом.

Все эти предположения могут стать предметом дальнейших исследований.

Данное исследование имеет несколько ограничений. Во-первых, мы рассмотрели лишь небольшую часть потенциальных предикторов странового и индивидуального уровней, хотя оценки статуса могут зависеть от большего количества факторов. Во-вторых, данные были собраны более десяти лет назад, однако на сегодня это наиболее полные международные данные, включающие информацию об оценках социального статуса возрастных групп в посткоммунистических странах. И наконец, существует некоторая неопределенность относительно того, как именно респонденты интерпретировали вопрос о социальном положении. Например, как отмечалось выше, разные возрастные

⁴ Дополнительный анализ данных ESS действительно продемонстрировал значимый положительный эффект взаимодействия между возрастом и доходом респондентов, что указывает на больший эффект дохода в более старших группах.

группы могли вкладывать в это понятие разных смысл. Будущие качественные исследования могли бы помочь раскрыть смысл, вкладываемый респондентами в понятие социального статуса.

Важно подчеркнуть, что очень низкий статус группы пожилых в посткоммунистических странах является проблемой не только самих пожилых, но и всего общества. В частности, негативная связь возраста с оценкой статуса пожилых в посткоммунистических странах свидетельствует о том, что для всего населения, особенно для людей среднего и предпенсионного возрастов, переход в более старшие группы означает приближение вхождения в низкостатусную группу, а неизбежность этого может порождать стресс и пессимистический взгляд на свое будущее. В заключение отметим, что в данной работе модернизация рассматривается как причина низкого статуса пожилых, однако в постиндустриальном обществе более вероятной может быть и обратная ситуация, когда низкий статус пожилых, их незадействованный потенциал тормозят социально-экономическое развитие страны.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Богданова Е., Зеликова Ю.* Нормативность старшего возраста: выстраивая систему координат // *Laboratorium: Russian Review of Social Research*. 2020. Т. 12. № 2. С. 13–21. DOI: 10.25285/2078-1938-2020-12-2-13-21
2. *Вебер М.* Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии. Социология / Пер. с нем. под ред. Л.Г. Ионина. М.: ИД НИУ ВШЭ, 2016. — 446 с.
3. *Гимпельсон В.Е.* Возраст и заработная плата: стилизованные факты и российские особенности // *Экономический журнал Высшей школы экономики*. 2019. Т. 23. № 2. С. 185–237. DOI: 10.17323/1813-8691-2019-23-2-185-237
4. *Зеликова Ю.А.* Конструирование старения: секс и интимность в пожилом возрасте // *Журнал исследований социальной политики*. 2018. Т. 16. № 1. С. 125–140. DOI: 10.17323/727-0634-2018-16-1-125-140
5. *Косова Л.Б.* Как живете, старичье? Анализ процессов старения в обществах разного типа // *Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии*. 2017. № 3–4 (125). С. 171–179.
6. *Моусова Г.А.* Субъективное благополучие и возраст: Россия в контексте международных сравнений // XII Международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества. В 4-х кн. Книга 3 / Под ред. Е.Г. Ясина. М.: Изд. дом НИУ ВШЭ, 2012. С. 98–109.
7. *Рогозин Д.М.* Либерализация старения, или труд, знания и здоровье в старшем возрасте // *Социологический журнал*. 2012. № 4. С. 62–93.
8. *Руднев М.Г.* Методология и основные результаты исследований престижа профессий в зарубежной социологии // *Вопросы образования*. 2008. № 2. С. 217–239.
9. *Руднев М.Г.* Социальный статус людей старшего возраста в сравнительной перспективе: особенности посткоммунистических стран // *OSFHome* DOI: 10.17605/OSF.IO/4WN58
10. *Синявская О.А., Червякова А.А., Карева Д.Е.* Помогающие и счастливые? Влияние социальной активности на счастье людей старше 50 лет в евро-

- пейских странах // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2019. № 6. С. 237–258. Happy helpers? The impact of social activity on the levels of happiness among people aged 50 and over in the European countries. DOI: 10.14515/monitoring.2019.6.12
11. Смолькин А.А., Макарова Е.А. Гуманитарные диссертации по геронтологическим темам в России в 1995–2012 гг.: наукометрический анализ // Успехи геронтологии. 2014. Т. 27. № 2. С. 358–365.
 12. Abrams D., et al. The barriers to and enablers of positive attitudes to ageing and older people, at the societal and individual level. London: Foresight government Office for Science, 2015. — 35 p.
 13. Achenbaum W.A. A history of ageism since 1969 // Generations. 2015. Vol. 39. Iss. 3. P. 10–16.
 14. Aging and modernization / Ed. by D. Cowgill, L. Holmes. New York: Appleton-Century-Crofts, 1972. — 331 p.
 15. Alley D.E., et al. The Increasing Use of Theory in Social Gerontology: 1990–2004 // The Journals of Gerontology: Series B. 2010. Vol. 65B. Iss. 5. P. 583–590. DOI: 10.1093/geronb/gbq053
 16. Ayalon L. Feelings towards Older vs. Younger Adults: Results from the European Social Survey // Educational Gerontology. 2013. Vol. 39. Iss. 12. P. 888–901. DOI: 10.1080/03601277.2013.767620
 17. Ayalon L. Perceived age, gender, and racial/ethnic discrimination in Europe: Results from the European social survey // Educational Gerontology. 2014. Vol. 40. Iss. 7. P. 499–517. DOI: 10.1080/03601277.2013.845490
 18. Bengtson V.L., et al. Modernization, modernity, and perceptions of aging: A cross-cultural study // Journal of Gerontology. 1975. Vol. 30. Iss. 6. P. 688–695. DOI: 10.1093/geronj/30.6.688
 19. Bugental D.B., Hehman J.A. Ageism: A review of research and policy implications // Social Issues and Policy Review. 2007. Vol. 1. Iss. 1. P. 173–216. DOI: 10.1111/j.1751-2409.2007.00007.x
 20. Chiu C.K.W., et al. Age Stereotypes and Discriminatory Attitudes towards Older Workers: An East-West Comparison // Human Relations. 2001. Vol. 54. Iss. 5. P. 629–661. DOI: 10.1177/0018726701545004
 21. Cowgill D.O. The aging of populations and societies // The Annals of the American Academy of Political and Social Science. 1974. Vol. 415. Iss. 1. P. 1–18. DOI: 10.1177/000271627441500102
 22. De Tavernier W., Naegele L., Hess M. A critical perspective on ageism and modernization theory // Social Inclusion. 2019. Vol. 7. Iss. 3. P. 54–57. DOI: 10.17645/si.v7i3.2371
 23. Demakakos P., et al. Subjective social status and mortality: the English longitudinal study of ageing // European journal of epidemiology. 2018. Vol. 33. Iss. 8. P. 729–739. DOI: 10.1007/s10654-018-0410-z
 24. ESS Round 4. ESS Round 4: European Social Survey Round 4 Data. 2008 [online]. Accessed 24.11.2021. URL: <https://europeansocialsurvey.org>
 25. Garstka T.A., et al. How Young and Older Adults Differ in Their Responses to Perceived Age Discrimination // Psychology and Aging. 2004. Vol. 19. Iss. 2. P. 326–335. DOI: 10.1037/0882-7974.19.2.326
 26. Hox J.J., Moerbeek M., van de Schoot R. Multilevel analysis: Techniques and applications. 3rd ed. New York: Routledge, 2017. — 364 p. DOI: 10.4324/9781315650982

27. *Inglehart R., Welzel C.* Cultural Map of the World // World Values Survey website. 2021 [online]. Accessed 24.11.2021. URL: <https://worldvaluessurvey.org>
28. *Keith J.* Age in social and cultural context: Anthropological perspectives. Handbook of Aging and the Social Sciences. 3rd ed. Ed. by R.H. Binstock, L.K. George. San Diego: Academic Press, 1990. P. 91–111.
29. *Löckenhoff C.E., et al.* Perceptions of aging across 26 cultures and their culture-level associates // *Psychology and aging*. 2009. Vol. 24. Iss. 4. P. 941–954. DOI: 10.1037/a0016901
30. *Lynch S.M.* Measurement and prediction of aging anxiety // *Research on Aging*. 2000. Vol. 22. Iss. 5. P. 533–558. DOI: 10.1177/0164027500225004
31. *Marques S., et al.* “Being old and ill” across different countries: Social status, age identification and older people’s subjective health // *Psychology & Health*. 2015. Vol. 30. Iss. 6. P. 699–714. DOI: 10.1080/08870446.2014.938742
32. *Miyakawa M., et al.* Subjective social status: its determinants and association with health in the Swedish working population (the SLOSH study) // *The European Journal of Public Health*. 2012. Vol. 22. Iss. 4. P. 593–597. DOI: 10.1093/eurpub/ckr064
33. *Natixis M.I.* Global Retirement Index. 2020 [online]. Accessed 24.11.2021. URL: <https://www.im.natixis.com/us/research/2020-global-retirement-index>
34. *North M.S., Fiske S.T.* Modern attitudes toward older adults in the aging world: A cross-cultural meta-analysis // *Psychological bulletin*. 2015. Vol. 141. Iss. 5. P. 993–1021. DOI: 10.1037/a0039469
35. *Officer A., et al.* Ageism, healthy life expectancy and population ageing: How are they related? // *International journal of environmental research and public health*. 2020. Vol. 17. Iss. 9. Article 3159. P.1–11. DOI: 10.3390/ijerph17093159
36. *Palmore E.B., Manton K.* Modernization and status of the aged: International correlations // *Journal of Gerontology*. 1974. Vol. 29. Iss. 2. P. 205–210. DOI: 10.1093/geronj/29.2.205
37. *Peterson L., Ralston M.* Valued elders or societal burden: Cross-national attitudes toward older adults // *International Sociology*. 2017. Vol. 32. Iss. 6. P. 731–754. DOI: 10.1177/0268580917726943
38. *Stickley A., et al.* Perceived discrimination and psychological distress in nine countries of the former Soviet Union // *International Journal of Social Psychiatry*. 2019. Vol. 65. Iss. 2. P. 158–168. DOI: 10.1177/0020764019827982
39. *Swift H.J., et al.* Ageism in the European region: Finding from the European social survey // *Contemporary perspectives on ageism*. Cham: Springer, 2018. P. 441–459. DOI: 10.1007/978-3-319-73820-8_27
40. *Tang K.L., et al.* Association between subjective social status and cardiovascular disease and cardiovascular risk factors: a systematic review and meta-analysis // *BMJ open*. 2016. Vol. 6. Iss. 3. P. 1–14. DOI: 10.1136/bmjopen-2015-010137
41. *Van den Heuvel W.J., van Santvoort M.M.* Experienced discrimination amongst European old citizens // *European Journal of Ageing*. Cham: Springer, 2011. Vol. 8. Iss. 4. P. 291–299. DOI: 10.1007/s10433-011-0206-4
42. *Vauclair C.-M. et al.* Are Asian cultures really less ageist than Western ones? It depends on the questions asked // *International Journal of Psychology*. 2017. Vol. 52. Iss. 2. P. 136–144. DOI: 10.1002/ijop.12292

43. *Vauclair C.-M., Rudnev M.* Modernization Theory // Encyclopedia of Gerontology and Population Aging / Ed. by D. Gu, M.E. Dupre. Cham: Springer International Publishing, 2019. P. 1–6. DOI: 10.1007/978-3-319-69892-2_750-2
44. *Vauclair C.-M., et al.* Subjective social status of older people across countries: The role of modernization and employment // *Journals of Gerontology. Series B: Psychological Sciences and Social Sciences*. 2015. Vol. 70. Iss. 4. P. 650–660. DOI: 10.1093/geronb/gbu074
45. *Vuorisalmi M., et al.* Comparison of self-rated health in older people of St. Petersburg, Russia, and Tampere, Finland: how sensitive is SRH to cross-cultural factors? // *European Journal of Ageing*. 2008. Vol. 5. Iss. 4. P. 327–334. DOI: 10.1007/s10433-008-0093-5
46. World development indicators 2021 // The World Bank. 2021 [online]. Accessed 24.11.2021. URL: <https://data.worldbank.org>
47. World Values Survey: Round Six — Country-Pooled Datafile / Ed. by R. Inglehart, et al. Madrid: JD Systems Institute, 2014 [online]. Accessed 24.11.2021. URL: <https://worldvaluessurvey.org>
48. *Zell E., Strickhouser J.E., Krizan Z.* Subjective social status and health: A meta-analysis of community and society ladders // *Health Psychology*. 2018. Vol. 37. Iss. 10. P. 979–987. DOI: 10.1037/hea0000667
49. *Zhang X., et al.* Attitudes toward older adults: A matter of cultural values or personal values? // *Psychology and Aging*. 2016. Vol. 31. Iss. 1. P. 89–100. DOI: 10.1037/pag0000068

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Руднев Максим Геннадьевич — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН; ведущий научный сотрудник, Лаборатория сравнительных исследований массового сознания, Экспертный институт НИУ «Высшая школа экономики». **Телефон:** +7 (495) 771-32-32. **Электронная почта:** mrudnev@hse.ru

Дата поступления: 03.04.2021.

SOTSIOLOGICHESKIY ZHURNAL = SOCIOLOGICAL JOURNAL. 2021.
VOL. 27. No. 4. P. 8–31. DOI: 10.19181/socjour.2021.27.4.8641

Research Article

MAKSIM G. RUDNEV^{1,2}

¹ HSE University.

20, Myasnitskaya str., 101000, Moscow, Russian Federation.

² Institute of Sociology of FCTAS RAS.

5, building 1, Bolshaya Andronievskaya str., 109544, Moscow, Russian Federation.

THE SOCIAL STATUS OF THE ELDERLY FROM A COMPARATIVE PERSPECTIVE: DISTINCTIONS OF POST-COMMUNIST COUNTRIES

Abstract. Social status reflects the hierarchical position of social groups within society, their prestige as perceived by members of their society. The existing literature shows that

age groups differ in their status considerably across countries, and that their status is linked to socio-economic modernization. This study investigates the determinants of elderly people's status in post-communist countries in comparison to other countries. Using two large international datasets — from the World Values Survey (58 countries) and European Social Survey (29 countries) — as well as multilevel regressions, we found that elderly people in post-communist countries were at the bottom of the status hierarchy. Compared to other regions of the world, this low status was only in part explained by country modernization level, implying that some other factors may have had an effect. Moreover, only in post-communist countries the perceived status of older people decreased with respondent's age. We suggest that the low status of older people in post-communist countries was caused by the social and economic transformations that followed the fall of the communist regime — which led to the older generation losing human capital — and then exacerbated by the ageist legacy of the Soviet industrialist ideology. Finally, we insist that the very low status of older people is a problem of society as a whole rather than this particular age group.

Keywords: older adults; ageing, ageism; social status; multilevel analysis; post-communist countries.

For citation: Rudnev, M.G. The Social Status of the elderly from a Comparative Perspective: distinctions of Post-communist Countries. *Sotsiologicheskii Zhurnal = Sociological Journal*. 2021. Vol. 27. No. 4. P. 8–31. DOI: 10.19181/socjour.2021.27.4.8641

Acknowledgments. The paper was prepared in the framework of a research grant funded by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (grant ID: 075-15-2020-928). The author is grateful to Christin-Melanie Vauclair for her ideas and expertise as well as to Vladimir Magun for his comments on the earlier draft of the paper.

REFERENCES

1. Bogdanova E., Zelikova Yu. Normativity of old age: developing a coordinate system. Introduction. *Laboratorium: Russian Review of Social Research*. 2020. Vol. 12. No. 2. P. 13–21. (In Russ.) DOI: 10.25285/2078-1938-2020-12-2-13-21
2. Veber M. Economy and Society: An Outline of Interpretive Sociology. [Russ. ed.: *Khozyaistvo i obshchestvo: ocherki ponimayushchei sotsiologii. Sotsiologiya*. Transl. from Germ. by L.G. Ionin. Moscow: ID NIU VShE publ., 2016. 446 p.]
3. Gimpel'son V.E. Age and wage: stylized facts and Russian evidence. *Ekonomicheskii zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki*. 2019. Vol. 23. No. 2. P. 185–237. (In Russ.) DOI: 10.25285/2078-1938-2020-12-2-13-21
4. Zelikova Yu.A. The construction of aging in contemporary Russia: Sex and intimacy in the late life period. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noi politiki*. 2018. Vol. 16. No. 1. P. 125–140. (In Russ.) DOI: 10.17323/727-0634-2018-16-1-125-140
5. Kosova L.B. How's life, old people? An analysis of the aging process in various society types. *Vestnik obshchestvennogo mneniya. Dannye. Analiz. Diskussii*. 2017. No. 3–4 (125). P. 171–179. (In Russ.)
6. Monusova G.A. Subjective wellbeing and age: Russia in the context of international comparisons. *XII Mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya po problemam razvitiya ekonomiki i obshchestva. V 4 kn. Kniga 3*. [XII International Scientific Conference on the Development of Economy and Society. In 4 books. Book 3.] Ed. by E.G. Yasin. Moscow: Izd. dom NIU VShE publ., 2012. P. 98–109. (In Russ.)
7. Rogozin D.M. Liberalization of old age, or Labor, knowledge, and health at the old age. *Sotsiologicheskii Zhurnal = Sociological Journal*. 2012. No. 4. P. 62–93. (In Russ.)
8. Rudnev M.G. Methods and findings of the occupational prestige studies. *Voprosy obrazovaniya*. 2008. No. 2. P. 217–239. (In Russ.)
9. Rudnev M.G. Social Status of Older People in Comparative Perspective: Exceptional Position of Postcommunist Countries. Electronic attachment to the article. *OSFHome*. (In Russ.) DOI: 10.17605/OSF.IO/4WN58

10. Sinyavskaya O.A., Chervyakova A.A., Kareva D.E. Happy helpers? The impact of social activity on the levels of happiness among people aged 50 and over in the European countries. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*. 2019. No. 6. P. 237–258. (In Russ.) DOI: 10.14515/monitoring.2019.6.12
11. Smol'kin A.A., Makarova E.A. Phd theses on gerontological topics in Russia 1995–2012: scientometric analysis. *Uspekhi gerontologii*. 2014. Vol. 27. No. 2. P. 358–365. (In Russ.)
12. Abrams D., et al. *The barriers to and enablers of positive attitudes to ageing and older people, at the societal and individual level*. L.: Foresight government Office for Science, 2015. 35 p.
13. Achenbaum W.A. A history of ageism since 1969. *Generations*. 2015. Vol. 39. Iss. 3. P. 10–16.
14. *Aging and modernization*. Ed. by D. Cowgill, L. Holmes. N.Y.: Appleton-Century-Crofts, 1972. 331 p.
15. Alley D.E., et al. The Increasing Use of Theory in Social Gerontology: 1990–2004. *The Journals of Gerontology: Series B*. 2010. Vol. 65B. Iss. 5. P. 583–590. DOI: 10.1093/geronb/gbq053
16. Ayalon L. Feelings towards Older vs. Younger Adults: Results from the European Social Survey. *Educational Gerontology*. 2013. Vol. 39. Iss. 12. P. 888–901. DOI:10.1080/03601277.2013.767620
17. Ayalon L. Perceived age, gender, and racial/ethnic discrimination in Europe: Results from the European social survey. *Educational Gerontology*. 2014. Vol. 40. Iss. 7. P. 499–517. DOI: 10.1080/03601277.2013.845490
18. Bengtson V.L., et al. Modernization, modernity, and perceptions of aging: A cross-cultural study. *Journal of Gerontology*. 1975. Vol. 30. Iss. 6. P. 688–695. DOI: 10.1093/geronj/30.6.688
19. Bugental D.B., Hehman J.A. Ageism: A review of research and policy implications. *Social Issues and Policy Review*. 2007. Vol. 1. Iss. 1. P. 173–216. DOI: 10.1111/j.1751-2409.2007.00007.x
20. Chiu C.K.W., et al. Age Stereotypes and Discriminatory Attitudes towards Older Workers: An East-West Comparison. *Human Relations*. 2001. Vol. 54. Iss. 5. P. 629–661. DOI: 10.1177/0018726701545004
21. Cowgill D.O. The aging of populations and societies. *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*. 1974. Vol. 415. Iss. 1. P. 1–18. DOI: 10.1177/000271627441500102
22. De Tavernier W., Naegele L., Hess M. A critical perspective on ageism and modernization theory. *Social Inclusion*. 2019. Vol. 7. Iss. 3. P. 54–57. DOI: 10.17645/si.v7i3.2371
23. Demakakos P., et al. Subjective social status and mortality: the English longitudinal study of ageing. *European journal of epidemiology*. 2018. Vol. 33. Iss. 8. P. 729–739. DOI: 10.1007/s10654-018-0410-z
24. *ESS Round 4. ESS Round 4: European Social Survey Round 4 Data. 2008*. Accessed 24.11.2021. URL: <https://europeansocialsurvey.org>
25. Garstka T.A., et al. How Young and Older Adults Differ in Their Responses to Perceived Age Discrimination. *Psychology and Aging*. 2004. Vol. 19. Iss. 2. P. 326–335. DOI: 10.1037/0882-7974.19.2.326
26. Hox J.J., Moerbeek M., van de Schoot R. *Multilevel analysis: Techniques and applications*. 3rd ed. N.Y.: Routledge, 2017. 364 p. DOI: 10.4324/9781315650982
27. Inglehart R., Welzel C. Cultural Map of the World. *World Values Survey website*. 2021. Accessed 24.11.2021. URL: <https://worldvaluessurvey.org>
28. Keith J. Age in social and cultural context: Anthropological perspectives. *Handbook of Aging and the Social Sciences*. 3rd ed. Ed. by R.H. Binstock, L.K. George. San Diego: Academic Press, 1990. P. 91–111.
29. Löckenhoff C.E., et al. Perceptions of aging across 26 cultures and their culture-level associates. *Psychology and aging*. 2009. Vol. 24. Iss. 4. P. 941–954. DOI: 10.1037/a0016901
30. Lynch S.M. Measurement and prediction of aging anxiety. *Research on Aging*. 2000. Vol. 22. Iss. 5. P. 533–558. DOI: 10.1177/0164027500225004
31. Marques S., et al. “Being old and ill” across different countries: Social status, age identification and older people’s subjective health. *Psychology & Health*. 2015. Vol. 30. Iss. 6. P. 699–714. DOI: 10.1080/08870446.2014.938742

32. Miyakawa M., et al. Subjective social status: its determinants and association with health in the Swedish working population (the SLOSH study). *The European Journal of Public Health*. 2012. Vol. 22. Iss. 4. P. 593–597. DOI: 10.1093/eurpub/ckr064
33. Natixis M.I. *Global Retirement Index*. 2020. Accessed 24.11.2021. URL: <https://www.im.natixis.com/us/research/2020-global-retirement-index>
34. North M.S., Fiske S.T. Modern attitudes toward older adults in the aging world: A cross-cultural meta-analysis. *Psychological bulletin*. 2015. Vol. 141. Iss. 5. P. 993–1021. DOI: 10.1037/a0039469
35. Officer A., et al. Ageism, healthy life expectancy and population ageing: How are they related? *International journal of environmental research and public health*. 2020. Vol. 17. Iss. 9. Article 3159. P. 1–11. DOI: 10.3390/ijerph17093159
36. Palmore E.B., Manton K. Modernization and status of the aged: International correlations. *Journal of Gerontology*. 1974. Vol. 29. Iss. 2. P. 205–210. DOI: 10.1093/geronj/29.2.205
37. Peterson L., Ralston M. Valued elders or societal burden: Cross-national attitudes toward older adults. *International Sociology*. 2017. Vol. 32. Iss. 6. P. 731–754. DOI: 10.1177/0268580917726943
38. Stickley A., et al. Perceived discrimination and psychological distress in nine countries of the former Soviet Union. *International Journal of Social Psychiatry*. 2019. Vol. 65. Iss. 2. P. 158–168. DOI: 10.1177/0020764019827982
39. Swift H.J., et al. Ageism in the European region: Finding from the European social survey. *Contemporary perspectives on ageism*. Cham: Springer, 2018. P. 441–459. DOI: 10.1007/978-3-319-73820-8_27
40. Tang K.L., et al. Association between subjective social status and cardiovascular disease and cardiovascular risk factors: a systematic review and meta-analysis. *BMJ open*. 2016. Vol. 6. Iss. 3. P. 1–14. DOI: 10.1136/bmjopen-2015-010137
41. Van den Heuvel W.J., van Santvoort M.M. Experienced discrimination amongst European old citizens. *European Journal of Ageing*. Cham: Springer, 2011. Vol. 8. Iss. 4. P. 291–299. DOI: 10.1007/s10433-011-0206-4
42. Vaclair C.-M., et al. Are Asian cultures really less ageist than Western ones? It depends on the questions asked. *International Journal of Psychology*. 2017. Vol. 52. Iss. 2. P. 136–144. DOI: 10.1002/ijop.12292
43. Vaclair C.-M., Rudnev M. Modernization Theory. *Encyclopedia of Gerontology and Population Aging*. Ed. by D. Gu, M.E. Dupre. Cham: Springer International Publishing, 2019. P. 1–6. DOI: 10.1007/978-3-319-69892-2_750-2
44. Vaclair C.-M., et al. Subjective social status of older people across countries: The role of modernization and employment. *Journals of Gerontology. Series B: Psychological Sciences and Social Sciences*. 2015. Vol. 70. Iss. 4. P. 650–660. DOI: 10.1093/geronb/gbu074
45. Vuorisalmi M., et al. Comparison of self-rated health in older people of St. Petersburg, Russia, and Tampere, Finland: how sensitive is SRH to cross-cultural factors? *European Journal of Ageing*. 2008. Vol. 5. Iss. 4. P. 327–334. DOI: 10.1007/s10433-008-0093-5
46. World development indicators 2021. *The World Bank. 2021*. Accessed 24.11.2021. URL: <https://data.worldbank.org>
47. *World Values Survey: Round Six — Country-Pooled Datafile*. Ed. by R. Inglehart, et al. Madrid: JD Systems Institute, 2014. Accessed 24.11.2021. URL: <https://worldvaluessurvey.org>
48. Zell E., Strickhouser J.E., Krizan Z. Subjective social status and health: A meta-analysis of community and society ladders. *Health Psychology*. 2018. Vol. 37. Iss. 10. P. 979–987. DOI: 10.1037/hea0000667
49. Zhang X., et al. Attitudes toward older adults: A matter of cultural values or personal values? *Psychology and Aging*. 2016. Vol. 31. Iss. 1. P. 89–100. DOI: 10.1037/pag0000068

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Maksim G. Rudnev — Candidate of Sociological Sciences, Senior Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS; Leading Researcher, HSE University.
Phone: +7 (495) 771-32-32. **Email:** mrudnev@hse.ru